

Заряжайтесь оптимизмом ■ Екатерины Вильмонт

Екатерина Николаевна Вильмонт

Путешествие оптимистки, или Все бабы дуры

Текст предоставлен издательством «АСТ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120221

*Путешествие оптимистки, или Все бабы дуры: АСТ, Астрель; М.:
2008*

*ISBN 978-5-17-050096-3, 978-5-271-19609-6, 978-5-17-072996-8,
978-5-271-34533-3*

Аннотация

Екатерина Вильмонт – писатель лирический. Ее героиня Кира Мурашова отправляется в Израиль повидать дочь и неожиданно встречает человека, которого не видела двадцать лет. Когда-то их отношения длились всего два дня... Он и теперь убеждает героиню в своей любви, но стоит ли верить этим словам?

Екатерина Вильмонт

Путешествие оптимистки, или Все бабы дуры

Посвящается Антону Иванову

Я – несокрушимая оптимистка. И не то чтобы жизнь очень уж баловала меня, нет, хватало всякого, и страшного, и муторно-тяжелого, словом, все как у людей, но, видимо, оптимизм – это что-то биологическое! Как бы паршиво ни было, я всегда знаю – все пройдет, обойдется, все будет хорошо, и, как ни странно, очень часто оказываюсь права. Надо заметить, что с годами, а мне уже сильно за сорок, у меня замужня дочь, оптимизм мой не убывает, а даже наоборот. И десять лет перестройки ничуть меня не сломили, хотя порой бывало ой как туго! Но все будет хорошо, поверьте мне!

Вот и у меня мало-помалу все наладилось (тьфу-тьфу, чтоб не сглазить!), и на днях я лечу в Тель-Авив, где уже два года живет моя дочка, в неполных восемнадцать лет выскочившая замуж и махнувшая с мужем в Израиль. Я растила ее одна, мы с нею были очень близки, и вдруг это дитя любви выкинуло такой фортель! Может, она боялась, как мама, остаться одна, без мужа?

Когда я вышла за ворота посольства с визой в паспорте, меня охватило такое нетерпение, что хоть головой о стенку

бейся! И ведь даже поделиться не с кем! Три часа дня, все подруги на работе! Позвонить, что ли, Юре? Но он вряд ли меня поймет, да и не люблю я звонить ему на работу, в его кабинете вечно кто-то есть, и он говорит со мною приветливо-вежливым голосом, как с посторонней. Что же делать, куда девать себя в этом состоянии? Билет! Нет, за билетом я пойду завтра с самого утра, так меня научили. Подарки! Ну конечно, мне же надо купить кучу подарков. И Дашке (это моя дочка), и друзьям, которых у меня в Израиле не так уж мало. Пока не было визы, я из суеверия ничего не покупала. Ведь нам, советским людям, все кажется, что нас обязательно куда-то не пустят, откажут, не дадут. К черту эти стародавние комплексы! Меня пустили, я еду к дочке, и не куда-нибудь, а в землю обетованную, и буду в марте купаться в Средиземном море, увижу чудеса Израиля, поеду в Иерусалим, поклонюсь Гробу Господню, и вообще... Ура!

Я понеслась по магазинам, а внутри меня все пело. Я еду! Я целый месяц проведу с Дашкой! Ведь мы два года не виделись. Одну десятую ее жизни, с ума сойти! Но еще несколько дней – и мы будем вместе! Только бы достать билет! Как же теперь дожить до утра?

Часов в семь, еле живая, я притащилась домой и рухнула на диван. До чего же меня утомляют магазины! Раньше они утомляли пустотой и очередями, а теперь – проблемой выбора и жуткими ценами. Но черт с ними, зато я почти все купила. Кажется, осталось купить только сало – наши право-

верные евреи на исторической родине изнывают без сала, – но это в последний день. Боже мой, скорее, скорее, просто нет сил терпеть!

К счастью, начал трезвонить телефон, все хотели знать, как у меня дела с визой, когда я лечу и т. д. А в девять наконец-то пришла моя подруга Алевтина, с которой мы дружим с детства, жить друг без друга не можем, и так случилось, что в последние годы даже живем в одном доме. Вот уж с нею я отвела душеньку! Вывалила на нее все свое нетерпение, все мечтания и восторги!

– Да, чуть не забыла! – воскликнула вдруг Алевтина, хватаясь за очередную сигарету. – Васька (это ее дочь Василиса) купила Дашке в подарок роскошный халат, вернее пеньюар, синий, в цвет глаз. Красотища!

– Поцелуй от меня Ваську, когда увидишь!

– Да, она еще сказала, если будут сложности с проводами, она тебя отвезет.

– Ой, как хорошо, а то я так не люблю просить Юрика. Может, он, конечно, сам предложит, тогда другое дело.

– Вообще-то мог бы. Но если не проводит, не вздумай привозить ему подарки, а то я тебя знаю, рассусолишься – ах, бедный, он всей этой красоты не видит, ах, как жалко, ах, ох... Небось на обратном пути только и будешь думать, что бы ему такое вкусненькое приготовить.

– Да ладно тебе про обратный путь, я еще и туда-то не знаю, когда улечу.

– Слушай, а подарки? Ты хоть что-нибудь уже купила?

– Да почти все!

– Ох, а мне еще Любашке надо что-нибудь подыскать!

Ладно, давай показывай свои покупки.

Наутро моего оптимизма еще прибыло. Билет я купила как белая женщина – без очереди, без блата, без переплаты и даже без хамства. Какое там! Меня в агентстве усадили, спросили, куда хочу лететь, когда, на какой срок и т. д. Уже через 10 минут я вышла оттуда с билетом и совершенно счастливая. Как мало иной раз нужно для счастья – не обхаживали и дали то, что требовалось. А еще говорят, у нас ничего не изменилось!

Итак, через три дня я лечу! Скорее домой, собирать вещи! За три дня? Да, я люблю все делать заранее. На вокзал я всегда приезжаю, когда поезда еще и в помине нет. Но, по-моему, лучше подождать на вокзале, чем сломя голову нестись за поездом. Как-то, знаете ли, спокойнее. И к приходу гостей я тоже готовлюсь заранее. Они приходят – все уже на столе, я сама при полном параде, и им приятно, и мне тоже. А то, бывает, придешь в гости и тебя тут же отправляют на кухню резать салат. Брр! И потом, в спешке непременно что-нибудь да забудешь.

Наконец все готово, вещи собраны, и сегодня ночью – ура! – я улетаю. Провожает меня конечно же Васька. Юрий Петрович, как всегда, ужасно занят. Ну да Бог с ним, после

того как Дашин отец бросил меня, я уже не жду от мужчин ничего, рассчитываю только на себя и друзей. Говорят, мы живы любовью. Да ничего подобного. Мы живы только дружкой. Разве можно рассчитывать на любовника? Ни в коем случае! А на друга? Железно! Мой собственный любовник всегда готов прийти на помощь своей подруге, а мне – нет. Может, все дело в том, что подруга – это нечто легальное? А может, ему просто лень и он прекрасно знает, что я и без него обойдусь?

Но меня опять занесло. Итак, через полчаса, если все будет нормально, не спустит колесо, не застрянет лифт и т. п., мы выезжаем. Алевтина, разумеется, едет меня провожать. «Чтобы Ваське не скучно было возвращаться одной» – так объяснила она эту сентиментальную акцию. Она вообще жертвенная натура, моя Алевтина.

Звонит телефон. Я хватаю трубку. Юра.

– Кирочка, – бархатным голосом произносит он, – я хочу еще раз пожелать тебе счастливой поездки.

– Это откуда же ты звонишь в одиннадцать вечера? – ехидно интересуюсь я. – Неужто из автомата?

– Как же, попрется он ночью к автомату, этот барин! Жди! – ворчит Алевтина.

– Нет, я сейчас один в квартире, – простодушно объясняет мой любимый. – А у тебя там, кажется, кто-то есть? Наверное, Аля?

– Конечно, она меня провожает.

Юра предпочитает не заметить некоторого нажима в моем тоне и как ни в чем не бывало желает мне всего наилучшего.

Вообще-то он меня любит, я знаю, только в меру своих возможностей, которые, увы, не так уж велики. Он немолод, много работает, на меня времени у него остается мало, но когда Дашка уехала и мне было тяжело на первых порах, он очень меня поддерживал, и я ему благодарна. Я ведь по-своему тоже его люблю, а может, это громко сказано, но так или иначе, а я привязана к нему. Я прощаюсь с ним без обычной нежности, но он, вероятно, списывает это на присутствие Алевтины.

Какое кошмарное слово «накопитель»! И почему нас надо накапливать? Чего ради?

Чтобы не поддаться клаустрофобии, начинаю разглядывать попутчиков. Время позднее, самолеты компании «Эль Аль» летают глубокой ночью, что не слишком удобно, однако, говорят, у них самолеты надежней, а я, честно признаться, побаиваюсь летать. Да и сервис у них якобы невероятный. Что ж, посмотрим! Напротив меня сидит мужчина лет под шестьдесят. Интеллигентное приятное лицо, усталое и доброе. И в то же время есть в этом лице что-то очень мужское, что-то, от чего я вся подбираюсь и лезу в сумочку за пудреницей. Идиотская привычка! Смотрюсь в зеркальце – кошмар! Под глазами круги от бессонных ночей – последние три ночи я совсем не могла спать от нетерпения. Все мои со-

рок с немалым хвостиком сразу заметны, хотя обычно я выгляжу моложе своих лет. Но тут же я гордо решаю, что плевать хотела на всех мужиков, хватит, пора и честь знать. Решительно убираю пудреницу. Очень нужно! Небось сейчас явится его супруга. Я так и вижу ее – ухоженная дамочка лет за пятьдесят. Но нет, никакой дамочки. Краем глаза слежу за ним – надо же как-то отвлечься от идеи «накопления». И по выражению его лица я вижу, что он прекраснейшим образом понял все мои манипуляции. И смотрит на меня с затаенной усмешкой и, кажется, с одобрением. Интересно, что он во мне одобряет? Я верчу головой, делая вид, что разглядываю других пассажиров, а сама из-под ресниц разглядываю его. Это же игра! Что ж, недурное начало путешествия. Он хоть и сидит, видно, что высокий. Широкие плечи и густые темно-седые волосы. Глаза светлые, серо-голубые, и какая-то в них искорка, которой – ей-богу же! – не было пять минут назад. Подумать только! Я вновь подбираюсь и быстро достаю из сумки газету – так удобнее за ним наблюдать. Старая дура, говорю я себе. Но ведь это же интересно, сама себе отвечаю я. Он тоже пристально смотрит на меня, без всяких уловок. Похоже, я ему приглянулась, хотя вид у меня, по моему, жуткий. Честно признаюсь, он мне тоже нравится... И тут объявляют посадку. Все моментально сбиваются в кучу, и я теряю его из виду. Несколько шагов по какой-то трубе, и вот я уже в самолете. Улыбающиеся стюардессы рассказывают пассажиров. Ага, вот и мое место. С ума сойти – он

уже сидит у окна. В голове у меня проносится, что, с одной стороны, это хорошо, а с другой – не очень. Я рассчитывала немного поспать и мысленно подготовиться к встрече с Дашей, а теперь не больно-то поспишь рядом с таким. Вдруг я во сне открою рот и вид у меня будет глупейший или, не дай бог, начну храпеть! Вот ужас-то! Нет, придется взять себя в руки и не спать. Ничего, отосплюсь на том свете! Он с милой улыбкой – ах, какая улыбка! – предлагает мне сесть к окну, если я хочу. Я великодушно отказываюсь. Очень надо! Ночью все равно ни черта не увидишь, а выбирать придется через него, если приспичит. Глаза у него смеются, такое впечатление, что он читает мои мысли. Сажусь, сразу пристегиваю ремень. Он тут же обращается ко мне:

– Давайте знакомиться, как-никак нам вместе лететь больше трех часов. Викентий Болеславович Корблинский.

– Кира Кирилловна Мурашова.

– Кира Мурашова? Вы, часом, не художница?

Боже, вот это слава!

– Я художница, но откуда вы меня знаете? Я не так уж знаменита.

– Вы иллюстрируете детские книги?

– Да.

– Я покупаю и читаю книжки своим внукам и всегда обращаю внимание на иллюстрации. И ваши мне ужасно нравятся, в них много юмора, для детских книг это важно.

– И не только. Попробуй у нас прожить без чувства юмо-

ра... Но у вас, похоже, с этим все в порядке.

- Да вроде бы... А куда вы направляетесь, в Тель-Авив?
  - Да, а вы?
  - В Реховот. У меня там сестра. А у вас кто в Тель-Авиве?
  - Дочка.
  - Боже, сколько же лет вашей дочке?
  - Двадцать.
  - Не верится что-то. Уж больно вы молодо выглядите.
- Врет, подлюга, но приятно!

Тем временем самолет уже начал взлетать. Красивые стюардессы, ни слова не знающие по-русски (идиотизм, неужели в Израиле мало красивых девушек, говорящих по-русски? Или это нарочно делается?), разносят напитки со льдом и орешки. Уже приятно. Вообще, славное начало путешествия – сидишь себе со стаканом ледяного грейпфрутового сока и мило беседуешь с очаровательным спутником, который к тому же знает тебя как художницу. Во сне не приснится! Кстати, сна ни в одном глазу, хотя уже почти два часа ночи. Интересно, кто он такой? Если ТТ, то я пропала. ТТ на нашем с Алевтиной языке означает «тихий технарь». Мы обе уже давно пришли к выводу, что для жизни и любви годятся только тихие технари. Тихий технарь в нашем понимании – умный мужик без художественных претензий. Уж слишком часто мы с нею обжигались на художественной интеллигенции, а посему – да здравствует техническая! К тому же я лично предпочитаю не понимать то, чем мужчина занимается. Так

легче поверить в его значительность.

– Простите, а кто вы по профессии?

– Архитектор.

Архитектор? Интересно, это как считается, технарь или нет, ведь архитектор – это почти художник, но, с другой стороны, если архитектор вполне может быть художником, то художник архитектором – нет. Тут нужно еще техническое образование, следовательно, его можно отнести к технарям. Но тихий ли? Впрочем, в его возрасте уж наверное тихий, внукам книжки читает...

Слово за слово, и мы уже болтаем «не покладая языка», как говаривал мой отец. Такое ощущение, будто мы знакомы сто лет. Тем временем нам приносят то ли ужин, то ли завтрак, не поймешь. Вкусно и занятно. Мой сосед весьма галантен. Не придерешься. Смотрю на часы – два с лишним часа пролетели совсем незаметно. Надо бы наведаться в хвост самолета. Давно пора. Смотрю на себя в зеркало – ужас! Пудра осыпалась, помада съедена, тон облупился. Ну и рожа! Хорошо бы умыться, но тогда потечет тушь. О, да здесь полно всяких салфеток, можно спокойно протереть лицо и освежиться. Плескать в лицо водой – аэрофлотовский анахронизм. А тут знай наших! Привожу себя в порядок, но тон решаю не накладывать, а то опять облупится чего доброго. Главное, чтобы глаза блестели, а они, надо заметить, блестят себе. Викентий... Интересно, как его называют – Кеша или Вика? Викентий, Жукентий... Жукентий – это мой обожае-

мый кот, оставленный с Алевтиной. Наверное, он поляк, — не кот, разумеется, а архитектор.

Возвращаюсь на свое место. Викентий сидит как приклеенный. Надо же, до чего крепкий мочевого пузырь... А может, у него трудности с мочеиспусканием, да нет, похоже, он вполне хорошо себя чувствует. Господи, что только не лезет в голову бабе в моем возрасте! Особенно хорошие мысли для начала романа... Какого романа, окстись, матушка, тебе ближе всего к пятидесяти, одергиваю сама себя, но ведь теперь все возрастные представления изменились, а почему бы и нет, вон Алевтина уже полтора года пребывает в состоянии жгучего романа, да и у меня самой вроде как роман с Юрой, правда, от этого романа уже пахнет плесенью, ему явно не хватает воздуха. Алевтина утверждает, что я сама виновата — слишком хорошо его кормлю. «Ясное дело, — говорит она в ответ на мои жалобы, — если так мужика кормить, он только и сможет, что доползти до койки!» Впрочем, я же решила в этой поездке не думать о прошлом. Ого! Я уже отравила Юру в прошлое? Не слишком ли быстро, Кира Кирилловна?

Тут подходит стюардесса с горячими салфетками — с ума сойти! Хорошо, что я стерла тон, а то сейчас имела бы вид! С наслаждением прикладываю салфетку к лицу. Как приятно! Сразу чувствуешь себя освеженной! Теперь раздают бланки деклараций. Лезу в сумку за ручкой. О черт! Ручка потекла, и рука у меня вся черная. Какая гадость! Хорошо еще не на

костюм! Викентий ахает и помогает мне вытереть руку, не жалея на это даже своего платка. Подбегает стюардесса, что-то лопочет на иврите, притаскивает кучу салфеток, уносит протекшую ручку и провожает меня к умывальнику. Но где там! Разве эти чернила так отмоешь! Вот незадача. Приеду к дочке с черной лапой. Поделом тебе, голубушка, уж больно ты занеслась! Это чтобы жизнь медом не казалась.

Выхожу и сталкиваюсь с Викентием. Значит, он тоже живой человек. Смущенно улыбнувшись, он скрывается в сортире. Улыбка у него прелестная.

Интересно, спросит он мой телефон в Тель-Авиве, захочет ли увидеться? Если нет, я не расстроюсь, я не расстроюсь, я не расстроюсь.

– Кира Кирилловна, простите мою назойливость, но не могли бы мы встретиться в Тель-Авиве? Мне так понравилось болтать с вами.

Наверное, это можно счесть за комплимент.

– Быть может, вы дадите мне телефон вашей дочери?

– А почему бы и нет?

И я, разумеется, дала ему Дашин телефон.

Наконец объявили посадку. Сердце у меня забилося в нетерпении: еще полчаса, и я увижу Дашку! Викентий с его улыбкой сразу как-то поблек. Вероятно, он понял мое состояние и больше не лез с разговорами. Только когда самолет уже катил по посадочной полосе, он сказал:

– Кира Кирилловна, давайте сейчас попрощаемся, а то в

аэропорту будет суeta и может выйти какая-нибудь неловкость. Поверьте, мне было необыкновенно приятно с вами познакомиться, и я очень надеюсь на продолжение этого знакомства. Спасибо за приятнейшую беседу, и всего самого лучшего. Позвольте поцеловать вашу руку. Всего вам доброго. Я непременно позвоню.

Какая речь, какое воспитание!

В аэропорту Бен-Гурион все процедуры, пограничные и таможенные, заняли от силы пять минут, это вам не Шереметьево. И вот уже я хватаю с транспортера свои сумки и мчусь в направлении выхода. Черт, вот дура, и почему я не взяла тележку, как все нормальные люди? Сумок у меня четыре, а руки только две. Но тут кто-то вдруг выхватывает у меня сумки. Викентий!

– Кира! Давайте сюда ваши вещи!

Он укладывает мои сумки на свою тележку. Предусмотрительный товарищ!

– Ой, спасибо вам, а то я что-то сдурела!

– Немудрено, – отвечает он.

Интересно, что он имеет в виду? Вдруг я слышу истошный крик:

– Мамочка! Мамуля! Я тут!

Дашка! Она ждет за барьерчиком, прыгая от нетерпения, – моя школа! Ох, какая же она красивая! Я со всех ног кидаюсь к ней, совершенно забыв о вещах и о Викентии. Мы душим

друг друга в объятиях. Потом отстраняемся и придиричливо оглядываем друг друга.

– Дашка, как ты похорошела!

– Мамуля, а ты совсем не изменилась. Как же я по тебе соскучилась! Что это у тебя с рукой?

– Кира Кирилловна, вот ваши вещи, – слышу я голос Викентия.

– Ой, спасибо вам! – Мы с Дашкой хватаем сумки с его тележки.

– Всего вам доброго, – говорит он и вежливо удаляется.

– Мамуля, это что, новый хахаль? – интересуется Дашка.

– Да какой там хахаль, просто попутчик.

– А по-моему, он на тебя глаз положил, – определяет с ходу моя дочка. – Наверное, ручка в самолете потекла! – догадывается она. – Ну не беда, отмоем!

– Дарья, а где твой муж? Куда ты его девала?

– Он на неделю уехал на Кипр. Гастроли.

Зять у меня виолончелист. Как здорово, целую неделю мы будем с Дашкой вдвоем. Успеем насладиться друг дружкой.

– Мамуля, тебя все так ждут, тетя Люба просто с ума сходит, хотела ехать тебя встречать, но я ее не взяла, сказала, что сегодня ты будешь только моя, да, мамуля?

– Да, моя девочка, конечно!

– Ладно, мамуля, пошли, я на машине.

– У тебя своя машина?

– А разве я не писала, что купила машину? Нет? Она хоть

и не новая, но хорошая, «Хонда». Вон, видишь, беленькая, вторая справа!

Наконец мы садимся в машину и едем. Я смотрю только на Дашку, не могу налюбоваться. До чего же хороша моя девочка! Смуглая, темноволосая, с огромными синими глазами. Глаза у нее точь-в-точь как у отца. Как же я когда-то сходила из-за него с ума, как хотела в дочке его повторения! К счастью, она похожа на него только внешне, а характером она пошла в меня. А он даже и не подозревает, что у него есть такая дочь!

Вдруг Дашка тормозит и съезжает на обочину.

– Мамуля, дай я тебя еще поцелую!

Мы обнимаемся и ревим в три ручья.

– Дарья, ты чего ревешь?

– А ты чего ревешь?

– А ты чего?

– Я от счастья.

– И я от счастья!

Мы уже хохочем как полоумные.

– Дарья, ну как ты?

– Все хорошо, мамуля, ты ж меня знаешь, я вся в тебя – оптимистка. Да и вправду все нормально, Данька работает в неплохом оркестре, его там ценят, собирается организовать свой квартет, я тоже работаю, мне нравится, так чего еще желать!

– А учиться?

– Да у меня с языком еще не так хорошо, но через год, если все будет нормально, конечно, попытаюсь.

– А как насчет детей?

– Вот с этим мы пока решили подождать, надо сперва встать на ноги покрепче, да я еще успею, мамуля, мне же только будет двадцать. И вообще у меня все хоккей, и в личной жизни, и в общественной, так что кончай с мамскими вопросами! Давай лучше смотри в окно, как-никак едешь уже по земле обетованной. Как, мамуля, решим – сделаем сейчас небольшой кружок по городу или сперва домой?

– Давай лучше домой, я что-то притомилась.

– Это от чего же? От флирта с этим вежливым дядечкой?

– Да что ты, какой там флирт! Просто я как получила визу, так меня начало колотить от нетерпения, я даже спать не могла.

– Хорошенькое дело! Ты что, спать сюда приехала? Ничего не выйдет, я взяла отгул на неделю, чтобы побыть с тобой, а ты спать вздумала?

– Ну ладно, ладно, на том свете отосплюсь. Но хоть душ принять и переодеться ты мне позволишь?

– О, это сколько угодно! Мамуля хочет потрясать Тель-Авив туалетами? Так имей в виду, тут все в основном ходят в шортах и майках независимо от веса и возраста. Правда, это ближе к лету.

– Дарья, скажи-ка, почему это дома тут какие-то обшарпанные?

– Так мы же, мамуля, олим, мы не можем жить в богатых кварталах, но ничего, не дрейфь, квартира у нас что надо, и вообще здесь можно гулять хоть всю ночь и ничего не бояться, не то что в вашей Москве.

– Да, с ночными прогулками у нас не очень, но зато если бы ты видела, как Москва изменилась, все время на каждом шагу открываются новые магазины, внутри и снаружи совсем западные, с большими деньгами можно купить все что душеньке угодно.

– А как у тебя с деньгами?

– Ну, раз к тебе приехала, значит, не так уж плохо.

– Заняла небось?

– Ни копеечки! Ты же знаешь, как я ненавижу долги! Нет, просто я оформляю детскую серию в одном богатом издательстве. Они отлично платят, ценят меня, и ежели не прогорят, то можно жить и не тужить.

– Значит, мамуля сумела вписаться в новые условия, как говорят по вашему телевидению.

– Значит, сумела.

– Ну ты у меня вообще молодчина! Смотри, вон видишь серый дом, вон там, где белье висит? В этом доме тетя Люба живет.

– Ой, Любашка, как там она?

– Она уже бабушка.

– Знаю, знаю, даже фотографию внука видела.

Люба – моя подруга еще с первого класса. Она уже четыре

года в Израиле и на первых порах очень помогла моей Дашке.

– Ну вот мы и дома!

Дом четырехэтажный, стоит в тихом переулке, в глубине небольшого садика. Все чистенько, аккуратно.

– Видишь, мама, как мы здорово устроились, тихо, а до Алленби всего пять минут.

– Алленби – это что?

– Самая торговая улица, рай для туристов из России.

По довольно крутой лестнице поднимаемся на третий этаж.

Дашка отпирает дверь, и мы сразу попадаем в комнату, никаких прихожих. Очень просторно и уютно.

– Ой, Дарья, как здорово!

– Вот, мамуля, а еще есть три спальни и кухня! Квартирка недешевая, но пока тянем!

Квартира мне очень нравится, тем более что всю ее опоясывает балкон, вернее, галерея, сейчас, правда, закрытая ставнями.

– Знаешь, мамуля, тебе здорово повезло с погодой, вчера лил проливной дождь, а сегодня просто благодать!

Что верно, то верно: на улице градусов двадцать, легкий ветерок, мечта, а не погода!

– Мамуля, что у нас сначала – помывка или завтрак?

– Помывка, конечно, помывка!

– Вот и хорошо, а я пока приготавливаю завтрак. Ой, мамка

моя приехала! – И она повисает у меня на шее. – Неужели мы опять будем завтракать вдвоем? Помнишь наши воскресные завтраки?

– Спрашиваешь!

С наслаждением принимаю душ. Дашка успела сообщить мне, что днем вода здесь нагревается от солнечных батарей, а ночью – от электричества. Здорово придумано!

Когда я наконец вылезаю из ванной, моя расторопная дочка уже ждет меня за красиво накрытым столом.

– Мадам, ваши платья я уже развесила, чтоб не мялись. Почти сплошь обновки!

– Это в основном из Америки, от Ланки и дяди Пети!

– Не забывают?

– Нет!

– Мамка! – вдруг взвизгивает Дашка и снова кидается в мои объятия. – Как же я по тебе соскучилась!

Она еще совсем ребенок, моя взрослая замужняя дочка. Но вот она вновь входит в роль гостеприимной хозяйки дома:

– Мамуля, твои любимые йогурты – вишневый, ананасный, черничный. Вот сыр, хумус, а это баклажаны, я сама приготовила. Баклажаны в марте – разве не кайф?

– Подумаешь, – гордо отвечаю я, – в Москве сейчас тоже баклажаны круглый год.

– Да? – Дашка разочарована.

– Да, но наверняка не такие вкусные, как из твоих рук!

И опять у нас обеих глаза на мокром месте. Так мы и пе-

переходим от слез к радости и обратно.

Я с удовольствием пью кофе и пробую израильскую еду. Все очень вкусно.

– Даш, а это что за замазка?

– Это хумус, я к нему равнодушна, а Данька обожает.

– А из чего он?

– Не то из фасоли, не то из гороха.

Пробую, действительно вкусно, особенно с мацой.

– Мама, значит, планы у нас такие. Сейчас даю тебе час отдыха, а потом идем гулять. За неделю хочу многое тебе показать, а потом передам тебя тете Любе. В Иерусалим поедем на автобусе, с экскурсией. Одним туда ехать небезопасно, да я и не очень хорошо знаю город. Потом, если хватит пороку, съездим в Эйлат.

– А это что такое?

– Знаменитый курорт на Красном море. Но это далеко. Мама, у тебя уже глаза слипаются. Марш в постель. Так и быть, спи сколько влезет, я тебя будить не стану. Я и сама не прочь подрыхнуть, а то встала ни свет ни заря. Пока, мамуля.

Я лежу, пытаюсь заснуть. Ничего не получается – я слишком возбуждена. В квартире тихо, Дашка спит. Она может спать всегда и везде, стоит ей прилечь – и она уже спит. Счастливая, это не в меня. Я смолоду сплю плохо. Лежу, пытаюсь разобраться в своих чувствах. Кажется, я счастлива. Да, конечно же, счастлива! За стенкой спит моя дочка, у нее

все хорошо, у меня, в общем, тоже. Я в Израиле, мне предстоит масса впечатлений, встречи со старыми друзьями. Интересно, позвонит мне этот Викентий? Ах, какая разница, позвонит не позвонит, зачем он мне нужен? Нет уж, хватит с меня этих «лав стори», одни неприятности от них. Да и что я знаю о нем? Что у него есть две внучки, которым он читает книжки с моими иллюстрациями? Очень романтично! Нет, лучше подумаю о Дашке, какая она у меня хорошая и красивая. Удивительно, я растила ее одна и с самых ранних лет она уже была мне подружкой. И никаких у нее не было трагедий по поводу отсутствия папаши. Когда ей было лет пять, она спросила меня, где же ее папа. Я сказала, что умер. А что тут еще придумаешь? Потом из ее вопросов и моих далеко не правдивых ответов мы общими усилиями слепили довольно славного папу. Во всяком случае, настоящий папа ему и в подметки не годился. А когда Даше было уже лет тринадцать, она вдруг явилась ко мне с вопросом:

– Мама, признайся, ты про папу все придумала, да?

– Что ты имеешь в виду? – пробормотала я.

– Он ведь не умер, да? Он нас бросил? Скажи, не бойся, я не расстроюсь.

Сердце у меня оборвалось. Откуда дровишки? Но сил скрывать от нее правду не было.

– Да, девочка моя, он не умер, но он не нас бросил, он меня бросил, о тебе же он и по сей день не подозревает.

– То есть как? Почему?

– Видишь ли, это трудно объяснить так сразу.

– А ты не сразу, мамуля, ты подробно расскажи все с самого начала. Мамуля, ты плачешь? Ты что, до сих пор его любишь?

– Да нет, что ты. Я и забыла, какой он. Вот только гляжу на тебя и вспоминаю: ты на него похожа, особенно глаза – точь-в-точь.

– О, значит он был красивый! – простодушно воскликнула моя скромная девочка. – Мамуля, расскажи мне все, я обещаю тебе, что не буду мучиться, не буду его разыскивать, как это делают в кино!

– Еще не хватало! Да его сразу кондрашка хватит! Скажи, а почему ты вдруг затеяла этот разговор? Тебе кто-нибудь что-нибудь наболтал?

– Нет, мама, это дедукция. Просто я кое-что сопоставила. Согласись, странно, что от человека ни одной фотографии не осталось? Только твой рисунок. А кстати, это он?

– Да нет, скорее фантазия на тему. А его я, честно сказать, уже и не помню. Мы с ним однажды, давным-давно, встретились, «среди шумного бала, случайно», так я его не сразу и узнала. Так мечтала увидеть, что его лицо сплылось в памяти.

– Ой, мамуля, расскажи, мне так интересно!

Пришлось ей все рассказать.

Мы встретились с Маратом у моей подруги Леры. Он был другом ее любовника. Оба они были профессорами крупно-

го технического института, оба значительно старше нас. Стояла жара, Леркина мать уехала к сестре в Ленинград, Лерка царевала одна в квартире, а я поехала к ней мыться – у нас не было горячей воды. Едва я вошла в квартиру, как моя подруга затараторила:

– Иди быстрее мыться, а то через полтора часа придут Волька с Маратом, посидим, выпьем.

– Ой, тогда надо навести марафет!

– Да он, кажется, вообще не по этому делу.

Но тут она попала пальцем в небо. Едва он вошел, я сразу поняла Татьяну Ларину, то есть обомлела, запылала и в мыслях молвила: «Вот он!» Любовь с первого взгляда. Чуть грузноватый, загорелый, седой, с синими-синими глазами, он при виде меня тоже сомлел. Мы вчетвером уселись за стол, но ни я, ни он не могли проглотить ни кусочка. Лера с Волей ели и пили, а мы только изредка опрокидывали рюмку, не сводя друг с друга изумленных глаз. Заметив наше неменяемое состояние, сообразительный Воля пошутничал о чем-то на кухне с Лерой, она вызвала меня и быстро зашептала:

– Слушай, мы сейчас уедем на дачу, вернемся утром. Давай действуй, он от тебя без ума, это невооруженным глазом видно! Да и ты явно млеешь. Давай, Кирустик, не теряйся, он жутко интересный мужик, даже завидки берут!

– Лер, ты что, в своем уме? Как это мы тут останемся одни?

– А то ты не знаешь как! Очень даже просто! Ты что, против?

– Да я-то не против, а вдруг он не захочет?

– Ну да, как же! Если только сдрейфит, тогда конечно... Да ладно, на худой конец переночуешь тут одна, а мы в десять уже будем тут! Чао!

Когда я вернулась в комнату, он по-прежнему сидел за столом и вид у него был понурый.

– Что-то случилось? – сдавленным голосом спросил он. – Почему они вдруг умчались?

– Я не очень поняла, но они часа через два вернутся, что-то такое вспомнили...

Не могу же я сказать, что они просто оставили нас на всю ночь. Положеньице! Он, похоже, вконец растерялся. Я ободряюще улыбнулась ему.

– Простите меня ради Бога, – начал он.

Ну вот, сейчас слиняет. А я первый шаг делать не умею.

– Простите меня, но я так давно не оставался наедине с такой молодой и красивой женщиной... – честно признался он.

Ну и дела. Мужуку за сорок, а он растерялся, как школьник, нет, вернее, как гимназист, школьники в наше время так не теряются. Может, если бы не эта его растерянность, я не влюбилась бы в него так безоглядно. Мне стало его жаль: хотя в мои двадцать шесть у меня был некоторый жизненный опыт, но просто подойти и обнять его я не могла. Мы сидели

за столом, глядя друг на друга безумными глазами, и говорили о чем-то постороннем, кажется об острове Сааремаа, а почему – не знаю. И вдруг он протянул мне руку через стол, как нищий, ладонью кверху.

– Помогите мне, – взмолился он.

Я подала ему руку, он крепко сжал ее, и я ответила на его пожатие.

О, что это была за ночь! Сколько любви, сколько признаний, сколько разговоров. Я была переполнена нежностью, а он все твердил, какое чудо наша встреча, и я чувствовала, что это не пустые слова, что он тоже полон любви и благодарности. Никогда прежде я не испытывала ничего подобного – каждую мою ласку, каждое слово он воспринимал как величайший дар, а мне было бесконечно радостно приносить ему эти дары. Мы заснули, когда уже стало светать. Я проснулась первой и взглянула на часы. Половина шестого. Времени еще много, Лера вернется в десять. Я смотрела на Марата и чувствовала – вот это мое будущее, наверняка очень трудное, но будущее, и теперь на всем свете для меня есть только он, и всегда был, просто я не знала, а все, что у меня было в прошлом, быльем поросло. Но, как ни странно, чувства мои порождала не страсть, а бесконечная нежность, замешенная на жалости, – он был так наивен и неопытен в свои сорок с лишним. Да и неудивительно: он признался, что впервые изменил жене, с которой без любви прожил больше двадцати лет. Кажется, я знаю о нем почти все, о двух его взрослых

детях, о преданной любви к покойной уже матери и даже о том, что он, как и я, страшно любит кошек.

Вдруг он открыл глаза, и на лице его отразился испуг.

– Который час?

– Шесть.

– А где же Лера и Воля?

– Вернутся не раньше десяти, – успокоила я его.

– Ох, какое счастье, значит, у нас как минимум три часа в запасе! Любимая... Это была самая счастливая ночь в моей жизни... Ты такая молодая, красивая, а я... Скажи мне, неужто я тебе не противен, ведь я настолько старше тебя...

Ну что тут ответишь, если тебя переполняют нежность и любовь? И я только молча целовала его.

– Милая моя Кирочка, я ведь завтра уезжаю на три недели.

Я обмерла.

– Куда?

– В Эстонию, в отпуск. Скажи, ты... мы... мы сможем видеться, когда я вернусь?

– И ты еще спрашиваешь!

– А где? Надо что-то придумать.

– Марат, тебе когда надо уходить?

– К половине одиннадцатого я поеду в институт, а после часу дня я свободен как птица... до вечера, к восьми мне необходимо попасть на дачу, ведь завтра мы... я уезжаю. Вещи надо собрать и вообще... Знаешь что, давай встретимся в половине второго, пообедаем где-нибудь, а потом...

– А потом поедem ко мне.
– Разве это возможно?
– Да, я сейчас одна, мама с папой в Рузе.
– Вот и чудесно, значит, в половине второго встречаемся у «Националя» со стороны Манежной. А сейчас иди ко мне, скорее...

В половине десятого он ушел. Я быстро прибралась и села ждать Леру. Боже мой, вот она, любовь! Пришла и совсем меня оглушила. Ну где же Лерка, скорее бы она вернулась, меня так и распирало, необходимо было с кем-то поделиться. Я набрала номер Алевтины.

– Аль! Привет!
– Где тебя носит, я звоню, звоню! – накинулась на меня Алевтина. – Ты что, дома не ночевала?
– Не ночевала.
– Где ж это ты гуляешь?
– У Лерки.
– Ах, у Лерки, а я-то думала... Слушай, а что это у тебя с голосом? Что-то стряслось?
– Аленька, я влюбилась. До смерти, до сумасшествия.
– Вот новости! В кого? Не в Волю, надеюсь?
– Нет, в его друга, его зовут Марат...
– Холостой? – деловито осведомилась Алевтина.
– Да где они, холостые? Женатый! Но это мне не важно, я его все равно люблю!

– С первого взгляда?

– Вот именно.

– Кирка, а почему у тебя голос такой несчастный, он что, на тебя не клюнул?

– Почему это? – возмутилась я. – Еще как клюнул. Он тоже с первого взгляда.

– Так вы уже...

– Ага.

– Ну и что дальше?

– Дальше мы идем обедать в «Националь», потом едем ко мне, а завтра он на три недели уезжает в Эстонию, в отпуск.

– С женой?

– Надо полагать.

– Ты из-за этого такая пришибленная, Кирюшка?

– Да, и вообще, понимаешь, я точно знаю, тут что-то будет, но только очень тяжелое.

– Почему?

– Сама не пойму, предчувствие, наверное.

– Что-то не похоже на тебя, ты же у нас оптимистка.

– То-то и оно.

– Кирюшка, прости, мне надо сейчас собираться, мы сегодня к Ваське в лагерь едем. Ты когда дома будешь?

– Вот дождусь Лерку и поеду. А вечером, он сказал, ему к восьми надо на дачу, так что часов в восемь заходи.

– Ладно, целую, не раскисай!

Когда вернулась Лера, я, вкратце изложив ей ситуацию, накинулась на нее с расспросами о Марате. И вот что я узнала: в ранней молодости он женился на дочери соседей по даче. Эти соседи были еще и друзьями его родителей. Обе семьи хотели породниться, и хотя он вовсе не любил эту девушку, все же женился на ней, дабы не огорчать любимую маму. У него двое детей, 19-летняя дочь и 17-летний сын. Они с женой оба – генеральские дети, что называется, одного поля ягоды. И, похоже, он действительно не изменял жене, во всяком случае Воля, ближайший друг, ничего об этом не знает. Его немало удивило вчерашнее поведение Марата.

– А ты-то хороша, сидишь, как язык проглотила, вот уж на тебя не похоже! – потешалась надо мною Лерка. – Мы-то с Волькой уписываем за обе щеки, а вы только томно вздыхаете да водку глушите. Смех, ей-богу!

– Ну уж и глушим!

– Глушите, глушите!

И мы покатались со смеху.

– Угодил тебе, выходит, Воляшка? – чуть ли не рыдая от смеха, спросила Лерка.

– Угодил, с меня причитается.

Потом, быстро приняв душ – дома-то горячей воды не было, – я помчалась домой переодеваться и наводить марафет. Ровно в половине второго я была у «Националя». Марат уже ждал меня.

– Нам везет, – сказал он, целуя мне руку, – я заказал сто-

лик.

В те годы в Москве попасть в хороший ресторан было не так-то просто.

Мы поднялись по лестнице и сели в одном из небольших залов. Столик был у стены, на двоих, укромный и уютный. Но официанта, как водится, пришлось ждать долго. Впрочем, нас это ничуть не огорчало.

– Что будем пить? – спросил Марат. – Вообще в таких случаях принято пить шампанское, но должен тебя предупредить: шампанского не пью никогда, даже в Новый год. Но если ты хочешь – ради Бога!

– Да нет, предпочитаю белое вино.

– Отлично. А как насчет коньяка?

– Терпеть не могу.

– Тогда, может быть, водки?

– Нет, хватит вина. А почему это ты не пьешь шампанское?

– Видишь ли, я родом из Севастополя, и в начале войны, когда я был еще совсем мальчонкой, в городе долго не было воды. Нигде, ни капли. Зато был завод шампанских вин, и все пили только шампанское. Его как-то выпаривали и даже варили на нем компоты. Короче говоря, с тех пор я и на дух его не переношу.

Я очень живо представила себе, как целый город пьет одно только шампанское, и меня передернуло.

– До чего же ты красивая. – Он взял мою руку и стал це-

ловать в ладонь. — Сегодня ты еще красивее, чем вчера. Мне страшно оставлять тебя на такой долгий срок. Боюсь, уведут.

И куда девалось мое хваленое чувство юмора? Я смотрела на него коровьими глазами и уверяла, что никто меня не уведет, никто мне не нужен, короче, вела себя дура душой. Потом мы поехали ко мне и пробыли там, в неге и любви, до самого вечера. Конечно, он ушел от меня только в десять, махнув на все рукой. Прощались мы чуть ли не со слезами, в его голосе слышался опасный пафос, и я, разумеется, растаяла, как мороженое на солнце. К приходу Алевтины от меня осталась только липкая лужица.

Алевтина с порога оценила ситуацию.

— Так, все ясно, судя по крестиническому выражению лица — великая любовь. Отсутствующий взгляд, блаженная улыбка — налицо симптомы тяжелого заболевания.

— Ладно, чья бы корова мычала...

— А я что? Я ничего. В свое время и мы болели, и ты надо мной смеялась, теперь моя очередь.

— Ох, Алька, что-то будет...

— Что?

— Понятия не имею.

— Ну а не имеешь понятия, так помалкивай, а то раскудалася — что-то будет, что-то будет. Конец света, что ли?

— Надеюсь, что не света, а Светы.

— Какой еще Светы?

— А его жену Светой звать.

– Ну ты даешь! Ночку с мужиком переночевала, в ресторан сходила – и здрасьте, он разводится. Жди дожидайся, дурища набитая. И не мечтай. Он сейчас с ней в отпуск укатит, там она живо смекнет, что мужик втюренный, и так его обработает, что он о тебе и думать забудет.

– Ты что? – безумно пугаюсь я. – Да я просто скаламбурила, а ты и вправду решила, что я его разводить собираюсь? Да Бог с тобой, это вообще не мой стиль. Да, кстати, вы когда в Молдавию едете?

– Андрей уже билеты купил, едем через неделю.

– И сколько вы там пробудете?

– До конца августа, а что?

– Аленька, ты мне ключи оставишь?

– Ясное дело, оставлю, не бойсь, Кирюха, будет тебе квартира для любовных свиданий. Если он, конечно, вообще прорежется, твой Робеспьер.

– Марат, – слабым от переживаний голосом поправила я.

– А по мне один хрен, что Марат, что Робеспьер, я всю эту революционную сволочь терпеть не могу. Ручаюсь, что твоя мама скажет: порядочного человека не могут звать Маратом. Хочешь пари?

– Какое там пари! Именно так она и скажет.

В разговорах о Марате мы просидели до глубокой ночи.

В течение недели мои близкие друзья как-то разом разъехались на отдых. Все уже знали о великой любви. Не по-

нимаю, что такое со мной приключилось, раньше так не бывало, но у меня возникла такая неодолимая потребность говорить о нем, вновь и вновь проживать эту встречу, что на меня уже начинали смотреть как на полоумную. Во всяком случае, когда, никого не застав, я позвонила жене моего старого друга, с которой мы были в хороших отношениях, но не более того, позвала ее к себе и вывалила ей все, она, похоже, решила, что я рехнулась. Вытаращив глаза, она слушала меня и сочувственно кивала головой. Впрочем, скорее всего, она сочувствовала не мне, а моим родителям, чья дочка вдруг безнадежно сбрендила.

А потом вернулись родители, и я конечно же рассказала обо всем маме, хотя в последнее время старалась скрывать от нее свои сердечные дела, уж больно решительно она во все вмешивалась. Разумеется, мама заявила, что приличный человек не может носить имя Марат. Алевтина как в воду глядела.

Наконец он позвонил. Когда раздался звонок, я уже точно знала – это он. Задышающимся от волнения голосом он сказал, что едва дожил до этого дня.

- Когда же, когда мы встретимся?
- Завтра вечером, часов в восемь.
- Где?
- У моей подруги.
- Это далеко?

– Нет, пять минут ходьбы от моего дома.

– Чудесно! Значит, завтра в восемь на углу у магазина, да?

– Да!

– Я люблю тебя!

– Я тоже!

– До завтра, любовь моя.

– До завтра.

Неужто свершилось? Он приехал! Приехал и сразу позвонил! Я даже ни о чем его не спросила – как он отдохнул и так далее. Ничего, завтра спрошу. И совершенно не с кем поделиться радостью! Даже мама и та уже спит! Как же теперь дожить до завтрашнего вечера? Нет, не до вечера, до утра. Утром предстоит куча дел, надо все успеть, и еще забежать в Алькину квартиру хотя бы пыль смахнуть. А потом еще навести немыслимую красоту. Ведь после разлуки смотришь всегда другими глазами. После разлуки Анна заметила, что у Каренина уши торчат. А вдруг он что-то такое во мне заметит? А если я? Нет, я-то уж точно ничего не замечу, меня так колотит от любви, что я вовсе ослепла, ничего кругом не вижу, где уж тут разглядеть пятна на солнце? Впрочем, если и он в таком же градусе, то можно не волноваться. Главное – выспаться, но как заснуть в таком состоянии? Взять у папы снотворное? А если я буду завтра как вареная рыба? В результате от всех этих мыслей я заснула как убитая.

Утром, свежая как огурчик, я понеслась по делам, а их конечно же скопилась чертова уйма. Но, разумеется, я все

успела и в шесть часов примчалась домой, уже едва держась на ногах. Сразу плюхнулась в теплую ванну с бадузаном и четверть часа лежала, закрыв глаза. Потом вымыла голову, намазалась разными кремами. Короче говоря, без четверти восемь я была готова – одета, намазана, причесана. И жутко себе понравилась. Даже мама, обычно почитавшая своим долгом обнаружить какой-нибудь изъян в моей внешности, изумленно проговорила:

– Да ты сегодня просто красавица!

Ой, спасибо тебе, мамочка, что не испортила мне настроения. Когда же надо выйти? Без пяти – рано. Без двух – в самый раз. А вдруг лифт застрянет? Побегу лучше пешком с восьмого этажа, по крайней мере можно выйти чуточку раньше.

Когда я выскочила в переулок, уже совсем пустынный в этот час, я сразу заметила его. Он ждал у магазина, повернувшись спиной ко мне. Почему-то на нем был мохеровый свитер, хотя погода стояла теплая. Мне хотелось тут же его окликнуть, но я боялась, что голос сорвется, и, держа себя в руках, чтобы не побежать, я медленно пошла к нему. Он обернулся, увидел меня и, кажется, тоже едва не побежал. Так мы шли навстречу друг другу и наконец схватились за руки.

– Кира, какая ты красивая, ты еще похорошела, – хриплым голосом проговорил он. А я вообще язык проглотила. – Куда же мы пойдём?

– А... Да... Это тут, через сквер.

Он взял меня под руку, и мы пошли «как по облаку», точнее не скажешь.

А после этой ночи все кончилось. Он исчез. Я ничего не понимала – столько было слов, клятв, заверений и... ничего. Мне он оставил только свой рабочий телефон, но занятия в институте еще не начались, и звонить туда было бесполезно. Воли с Лерой не было в Москве. Вот тут я поняла, что значит умирать от любви. Я думала только о нем. У меня все валилось из рук. Больше всего мне хотелось стоять в очереди – стоишь себе и думаешь о нем, не обращая внимания ни на что вокруг. Живя на Колхозной площади, я встала в очередь за арбузом на Арбате. Москвичи поймут нелепость такого поступка. Волоочь тяжеленный арбуз с Арбата – глупее не придумаешь, когда эти арбузы продаются на каждом углу. Но очередь была такая длинная, в самый раз для моего настроения.

Он позвонил недели через три, когда я совсем отчаялась, опять наговорил кучу слов, объяснил, что был болен, ослаб и не хочет встречаться со мной, пока не наберется сил. Я опять ждала, изнемогая, он снова звонил, потом пропадал, опять звонил, объяснялся в любви, всякий раз находя веские причины, чтобы отложить встречу. А на меня тем временем посыпались беды, одна за другой. Слег с микроинфарктом отец, я выхаживала его дома, а потом слегла и уже не встала мама. Я крутилась как белка в колесе и в доверше-

ние всего обнаружила, что беременна. Первой моей мыслью было сделать аборт. Немедленно. Куда мне сейчас еще ребенок? Папа, правда, уже пошел на поправку, но маме день ото дня делалось все хуже. Она уже не вставала с постели. Кто знает на собственном опыте, что такое лежащая больная, тот меня поймет. Но это еще полбеды – у моей мамы, умной, острой, блестящей женщины, вдруг развилось старческое слабоумие, хотя она была вовсе не так стара. «Результат черепной травмы», – сказали врачи. Куда уж тут ребенка рожать? Но, как ни странно, моя безнадежная любовь помогала мне справляться со всеми трудностями – они попросту не доходили до моего сознания или разве что по касательной задевали его. Вероятно, это было сродни эгоцентризму тяжелобольного человека. А может, просто инстинкт самосохранения срабатывал?

Как-то поздней ночью, когда я устала так, что даже не было сил лечь в постель, я сидела на кухне и вдруг подумала: я должна родить этого ребенка, я ничего на свете не хочу, кроме него. Почему-то я была уверена, что это будет дочка. И не надо мне Марата, бог с ним, пусть живет как хочет, а я рожу себе ребенка, он будет только моим, а Марат об этом даже не узнает. Я давно уже поняла, в чем причина его странного поведения, – он элементарно трусил. Испугался страстного отчаяния в моем голосе, испугался себя, испугался за свою устроенную, налаженную жизнь, за карьеру, испугался разницы в возрасте, хотя она вовсе не была такой уж роковой.

Что ж, ему же хуже, решила я тогда. Но в глубине души я знала, что он все равно любит меня и я люблю его, хотя никаких иллюзий на его счет у меня уже не было.

Так пусть от этой краткой любви останется ребенок. Я только хотела, чтобы дочка была похожа на него, а уж воспитаю я ее по-своему, доброй и храброй. Чтобы не боялась любви.

На следующий день я вызвала к себе Леру и мы с ней закрылись на кухне.

– Лерка, я беременна! – заявила я с места в карьер.

– Что? От Марата?

– От кого же еще?

– Вот скотина! Ну я ему устрою!

– Лерка, не смей! На коленях прошу – никому ни слова!

Я буду рожать!

– Рожать? Ты в своем уме? Куда тебе еще младенец в этот ад?

– Ничего, прорвемся, я же оптимистка. Рожу себе дочку с синими глазами...

– А если будет сын, да с серо-зелеными, тогда что?

– Нет, я чувствую, будет девочка... Только, ради бога, ни слова ни Вольке, ни тем паче Марату. Ничего от него не хочу, вот дурак, пройти мимо такой любви...

– Слушай, но ведь пузо-то не скроешь. Воляшка мигом смекнет, что к чему.

– Я уже все продумала – ты сейчас скажешь своему Во-

ляшке, что я про Марата и думать забыла, что у меня бешеный роман с кем-то другим, а потом сообщишь, что я от него забеременела, а он меня бросил.

– Вот еще! Что это тебя все бросают?

– Значит, я такая невезучая.

Лерка как-то криво улыбнулась: она чувствовала свою вину и ответственность за мои мучения с Маратом. Как-никак кандидатура ее Воляшки. И вдруг с жаром заговорила:

– И правильно, и рожай, ни фига, сдюжим, будем все вместе ее растить, нас много, каждый что-нибудь для нее сделает, будет у нас дочь полка! Молодец Кирусик! Правильно! Раз Бог дает – надо рожать! Тем более такая любовь! Умница! Вот только говорить, что тебя еще какой-то хрен бросил, я ни за что не буду. Не волнуйся, я сумею заткнуть Воляшке рот. Пусть только попробует вякнуть – сразу выгоню к чертям! – развоевалась Лерка. Она не могла иметь детей, и перспектива принять участие в моем ребенке ей, видимо, пришлась по душе.

В одном мне не откажешь – друзей я выбирать умею. Никто из них не остался равнодушен. Помогали все и морально, и материально, и физически. Когда я была на пятом месяце, умерла мама. А еще через месяц скончался во сне папа. Я осталась одна, беременная, и если бы не халястра... Как-то один старый и мудрый еврей сказал мне, что такая тесная компания друзей по-еврейски называется халястрой. Нам всем так понравилось это слово, что с тех пор мы и сами

стали звать себя халястрой. Где теперь та халястра... Иных уж нет, а те далече. Петя – в Америке, Мишка-маленький – аж в Зимбабве, Люба – в Израиле, Мишка-большой в последние годы так отдалился от нас, что его тоже как бы и нет, Андрей умер... В Москве остались только Лерка с престарелым Воляшкой и Алевтина, которая, овдовев, сбегала замуж в Англию, но через три месяца бросила богатого английского мужа и вернулась в Москву. Кроме меня, ее мало кто понял. Но, едва вернувшись, она сразу же нашла работу, целиком ее захватившую, и любовь, прямо на работе, не отходя от кассы. И совершенно счастлива, тьфу-тьфу, чтоб не сглазить.

А тогда, двадцать лет назад, вся халястра дружно меня поддержала. Никогда я не чувствовала себя матерью-одиночкой. Расти Даша с родным отцом, наверное, она не была бы так присмотрена и ухожена, как в нашей халястре. Подружки с детьми делились опытом и детскими вещичками, бездетные с упоением нянчились с нею, Мишка-большой присматривал за нею как врач, а Мишка-маленький, геолог, уговорил меня, когда Дашке было три года и остро встал вопрос дачи, поехать с ним на Урал поварихой в геологическую партию и взять с собой Дашку, которая часто простужалась и которую надо было закалять. Я отважилась на эту авантюру, и не зря. Как же там было здорово! Дашка целыми днями паслась на лужайке под присмотром кого-то из наших, плескалась в речке, загорела дочерна, забыла о простудах и диатезе, а я, помимо поварской деятельности, с которой

легко справлялась, очень много рисовала. Красота там была необычайная. Синие горы! Мы жили на просторной круглой поляне, на берегу мелкой, но чистой речки Демид. Я вставала в шесть утра, вылезала из палатки и в утренней дымке шла мыть оставленную с вечера посуду. Я мыла ее в речке, с песком, вода была необычайно теплая, и эта простая работа доставляла мне огромное удовольствие. Тишина, только пение птиц да плеск воды. Потом я готовила нехитрый завтрак и шла будить команду. После завтрака все уезжали, но кто-нибудь один оставался со мной и Дашкой. Ах, что это было за время! Я попала совсем в другой мир. Домашняя девочка, выросшая в семье старых московских интеллигентов, воспитанная в правилах хорошего тона, я вдруг попала в среду работяг, да и интеллигенты в нашей партии были тоже не знакомого мне разлива. Но я мгновенно освоилась, мне было хорошо с ними, я полюбила их, а они полюбили меня, о Дашке и говорить нечего, в ней все души не чаяли. Никто никогда словечка дурного мне не сказал. А один из наших шоферов, двадцатитрехлетний красавец Митька, влюбился в меня и служил мне верой и правдой – таскал воду, чистил картошку и грибы, привозил букеты полевых цветов и кружки лесной малины, ничего не требуя взамен. Но однажды, когда мы на целый день остались вдвоем, не считая Дашки и двух «партийных» собак, он вдруг подошел ко мне сзади и крепко обнял. Я хотела было оттолкнуть его, возмутиться, но день был жаркий, головокружительно пахло травой, ре-

кой, лесом, и этот запах мешался с легким запахом бензина и молодого мужского тела... Короче, природа взяла свое. Я только успела прошептать:

– А где же Дашка?

– Спит, не бойся, я сам ее уложил. Идем скорее!

Мы любили друг друга в высокой траве за палатками. Три с лишним года воздержания дали себя знать, а он был так молод, так силен, так хорош. Истомленные, мы лежали в траве, забыв обо всем, и вдруг раздался звон колокольчика.

– Что это? – вскинулась я.

– Дашка проснулась. Я ей к ноге колокольчик привязал, чтоб не убежала.

– Ну ты и хитер! – засмеялась я.

– Нужда заставит – будешь хитрым!

Он приходил ко мне каждую ночь и был моей отрадой до конца сезона. А в Москве мы почему-то потеряли друг друга из виду. Может, оно и к лучшему.

– Мамуля, ты не спишь?

– Нет, детка, не сплю, так лежу, вспоминаю разное. Даже Урал вспомнила.

– Да, там было здорово!

– Неужели ты что-то помнишь?

– Конечно, речку помню, собак и костры. И еще помню, как руками рыбу поймала.

– И тут же отпустила!

– Да, она скользкая была, противная. До сих пор мне противно брать в руки живую рыбу.

– Дуреха ты у меня, иди сюда, поцелуемся. Дарья, я хочу к морю!

– Так вставай и пошли.

– А далеко?

– Пешедралом полчаса, а можно поехать на машине.

– Никаких машин! Пошли пешком. С городом надо знакомиться без колес, а то не почувствуешь его как следует.

– Без колес так без колес!

– Дарья, а купаться тут можно?

– Мадам, сейчас еще никто не купается, ты что? Вот через недельку-другую...

– Ой, я не доживу! Да, кстати, надо срочно поменять деньги, а то у меня только доллары, их ведь тут не принимают, да?

– Не волнуйся, все предусмотрено! Завтра утречком заедет Левушка Абезгауз и поменяет тебе нормальненько, один к трем.

– То есть?

– То есть три шекеля за доллар, а в банке с тебя такие проценты сдерут, ой-ой-ой! Так что сегодня будешь на моем иждивении.

– А мороженое мне купишь?

– И мороженое, и орешки.

– Какие орешки?

– А какие захочешь – миндаль, фисташки, кешью, арахис,

хочешь с сахаром, хочешь с солью! Короче, купим все, что понравится.

– Ура! Живем!

Мы вышли на улицу, тихую, безлюдную, потом свернули, прошли еще минут пять и очутились на Алленби, неширокой, но чрезвычайно оживленной улице, где на каждом шагу были магазины и магазинчики, экзотические лавчонки и просто заныры, набитые каким-то линялым тряпьем.

– Идем, мамуля, здесь не стоит задерживаться, ничего интересного!

В какой-то подворотне, сплошь уставленной белыми полотноными мешками с орехами, крупами и сушеными фруктами, Дашка купила кулек миндаля, и мы дружно на него накинулись.

– Как вкусно!

Но вскоре от соленого миндаля захотелось пить.

– Что ты предпочитаешь – свежий сок или какую-нибудь воду?

– Разумеется, свежий сок.

Мы подошли к торговцу соками.

– Слушай, Дашка, а чего это у них мешки с морковью стоят?

– Для морковного сока, они тут на нем помешаны. Хочешь?

– Ни за что! Только апельсиновый!

– А может, эшкалиот?

– Чего?

– Грейпфрутовый.

– Давай!

Мы с наслаждением выпили грейпфрутового сока, выжато-го на наших глазах.

– Кайф, мамуля?

– Кайф!

– Вот смотри, слева серое здание – это самая большая в Тель-Авиве синагога. А кстати, знаешь, что такое Тель-Авив? Холм весны – красиво, правда?

– Боже, Дашка, что это за деревья такие удивительные – голые и с красными цветами?

– Говорят, это разновидность акации, я к твоему приезду всех знакомых опрашивала, но точно никто не знает. Чуяла, что будешь приставать с расспросами.

– Но ведь и вправду интересно, сроду таких не видывала. Ой, а тут все стволы какие-то перекрученные! Это от ветра?

– Понятия не имею. Это бульвар Ротшильда. Кстати, мама, ты не устала, а то можно до набережной доехать на автобусе.

– Ничуть я не устала, мне так все тут нравится!

Я и впрямь наслаждалась жизнью. В Москве снег, слякоть, холодрыга, а тут весна, все цветет, теплынь, никуда не надо спешить и Дашка рядом.

– Дарья, ты чего меня все за руку держишь, боишься, что

я потеряюсь?

– Нет, просто так приятно, когда мама тебя за ручку ведет!

– Еще кто кого ведет! Даш, а что это там за столпотворение?

– О, это замечательное место – шук Кармель! Базар! Вон там, чуть левее, что-то вроде Арбата, художники тусуются, продают всякую прикладную дребедень, хотя бывают очень красивые вещи, но не дешевые, надо сказать. Мы непременно туда с тобой ходим. А правее – это уже собственно базар.

– Туда мы тоже должны сходить!

– А как же! В пятницу с самого утра туда и пойдем, чтобы все закупить на субботу.

– Ты что, субботу отмечаешь? – изумилась я.

– Да нет, еще чего, – рассмеялась Дашка, – но просто часов с пяти в пятницу и до вечера субботы тут ничего не купишь, хоть тресни.

– Ну это-то я знаю.

– Еще немножко, мамуля, и мы у моря!

И вот я вижу его, море! Средиземное! Божественно красивое, сине-зеленое! И набережная красивая, с шикарными отелями! Господи, море! С этой нашей перестройкой я уже лет пять не видела моря! Куда податься-то? Чтобы поехать в Таллин к старой подруге – ах, кажется, надо писать «Таллинн», а то эстонцы обижаются, если у них отнять одно «н», – надо получить приглашение, а потом еще корячиться в нескончаемой очереди в посольстве. Нет уж, увольте! В

Ленинград мне ехать не к кому. Крым, Кавказ не больно-то к себе влекут, тем более что цены там почище, чем где-нибудь в Анталии. Нет, я здорово устроилась, отпустив дочку в Израиль!

– Ну как тебе наше еврейское море?

– Класс! Я лично пошла к воде, а ты как хочешь!

Сняв босоножки, я бегом помчалась к воде.

– Ой, Дашка, какая теплая! И почему я, дура, не взяла купальник!

– Мама, опомнись, посмотри – ни одна живая душа не купается!

– А черта ли мне в этих живых душах! Да тут градусов двадцать, не меньше! Бедная я, бедная! Ну ладно, завтра утречком одна сюда пойду, дорогу я теперь знаю! А ты дрыхни! Тебе небось стыдно будет за полоумную мамашу, которая лезет в воду, когда все приличные тельавивцы еще не купаются? Ведь стыдно, признайся?

Дашка ничего не успела ответить, потому что вдруг кто-то кинулся мне на шею с криком:

– Кирка, зараза!

Боже мой, Любка!

– Я вас еще у шука заметила, – запыхавшись, докладывала она. – Кричала, кричала, да вы как оглохли, а побежать к вам я не могла, сумки сторожила, Пашку ждала. Просто хоть плачь! А когда Пашка подросел, я вас уже из виду потеряла, но сообразила-таки: Кирка к морю рвется! Кирюха,

родная!

Я безумно обрадовалась Любке, четыре года мы не виделись. О, как она изменилась, чуть ли не наголо обрила свои роскошные волосы.

– Любонька, ты чего так оболванилась?

– Попробуй тут летом с волосами походить! Сдохнуть можно! А ты, Кирюшка, совсем не изменилась, все такая же. Ох, до чего ж я тебе рада! Эта твоя церберша бессовестная никого не желает к тебе допускать. Монополистка хренова! А вот не вышло у тебя, не вышло!

Смотрю на Любку – все тот же милый прокуренный голос и она все такая же красивая, несмотря на стрижку.

– Ну как тебе наша Израйловка?

– Да я же ничего еще не видела, но мне пока нравится.

– А я – ненавижу! – с сердцем сказала Любка. – Так в Москву хочется, что хоть пешком беги!

– Тетя Люба, ты опять за свое? Куда ты побежишь? Небось все твои здесь, кому ты там нужна?

– А здесь я кому нужна? – вскинулась Любка. – Думаешь, Лизка очень во мне нуждается? Как бы не так! Мама, у тебя не убрано, мама, у тебя плита грязная, а я сижу как проклятая за компьютером, да еще с внуком нянчусь, так что же мне – в свободное время плиту драить? – Любка явно продолжала препираться с дочерью. – Ох, Кирюшка, прости, я даже мысленно и то все время с Лизкой ругаюсь! Когда твоя оглоедка тебя отпустит, уж мы с тобой всласть наговоримся!

– Тетя Люба, а ты в воскресенье свободна с утра?

– А что?

– Понимаешь, я купила путевки в Иерусалим, а вчера выяснилось, что мне бы надо смотаться в Ашкелон по одному делу. Ты не съездишь с мамой?

– Конечно! С удовольствием!

– Мамуля, ты не против?

– С чего это я буду против! Ой, девчонки, какая же я счастливая, что я тут, с вами!

– Вот что, мои дорогие, – строго заявила Люба, – сегодня вечером часов в восемь ждем вас к себе. Лизаня вся трясется, жаждет пообщаться с тетей Кирой, узнать все про Ваську. Короче, Дарья, чтобы к восьми привела мамашу к нам! Согласна?

– А почему бы и нет? Мне же лучше, ужин не готовить, посуду не мыть!

– Засранка! – нежно прохрипела Любка. – Кирюха, а как твой Жукентий? С кем ты его оставила? С Алькой?

– Конечно, кому же я еще его доверю, моего Жукочку!

– Сегодня познакомишься с нашим Шмуликом. Красавец, глаз не оторвешь! Ладно, девчонки, я побежала, надо Лизку предупредить, что вы придете! Привет!

И она унеслась.

– Вот, мамуля, не успела ступить на израильскую землю, как уже начались встречи. То ли еще будет!

О, тут она как в воду глядела!

Мы долго, с упоением гуляли, разговаривая обо всем сразу, и никак не могли наговориться и нагуляться. Дашка только время от времени спрашивала:

– Мамуля, ты не устала?

– Ничутьточки, – отвечала я, сама себе удивляясь. В Москве, пройдя такое расстояние, я бы уже давно издохла, а здесь просто чудо – даже ноги не болят. То ли душевный подъем, то ли морской воздух, а скорее всего и то и другое.

Вот так и потекли мои первые израильские денечки. Безоблачно-счастливые. На другой день с утра Дашка повезла меня в восхитительный курортный городок Нетанию, где я впервые в жизни купалась в Средиземном море. Ни с чем не сравнимое впечатление. Моя ставшая уже южанкой дочь в свитере стояла на берегу, покуда я плавала. А когда я наконец вылезла, она не без зависти воскликнула:

– Мамуля, такой счастливой рожи я еще никогда ни у кого не видела!

В субботу, часов в десять утра, когда мы с Дашкой завтракали, раздался телефонный звонок. Дашка взяла трубку.

– Алло! Да. Киру Кирилловну? Одну минутку! Мамуля, тебя!

– Кто? Любка?

– Нет, какой-то мужчина, судя по вежливости, твой попутчик.

Я почему-то покраснела. И в самом деле звонил Викен-

тий.

Начал он странно:

– Доброе утро, Кира, знаете, на кого вы больше всего похожи?

– На кого? – перепугалась я.

– На чеширского кота. Вот вас нет, а ваша улыбка у меня перед глазами.

Это меня сразило наповал. Да сравни он меня хоть с Софи Лорен, я бы не испытала такого удовольствия, во-первых, потому что это было бы явным враньем, а во-вторых, я обожаю чеширского кота.

– Кира, почему вы молчите? Алло! Вы обиделись?

– Да нет, я просто перевариваю... Знаете, лучшего комплимента я в жизни не получала, а потому заранее согласна на любое ваше предложение.

– Маманя, полегче! – шепнула Дашка.

– Вы молодчина, Кира, я в вас не ошибся. Итак, что вы делаете завтра?

– Завтра я еду в Иерусалим с экскурсией.

– Ох, какая жалость! А сегодня?

– Сегодня ничего особенного, погуляю с дочкой...

– А на понедельник есть какие-нибудь планы?

– Нет, в понедельник я свободна как птица!

– Вот и чудесно! В понедельник я вам позвоню в это же время, и мы что-нибудь придумаем!

– Но вы, кажется, живете в Реховоте?

– Собирался, но сестра моя человек сложный, а племянник живет в Тель-Авиве, сейчас он в отъезде и оставил мне свою квартиру.

«Так, – пронеслось у меня в голове, – сейчас он пригласит меня к себе».

– Понятно, – проговорила я, но тут Дашка зашептала:

– Если хочешь, пригласи его к нам на обед, часов в пять.

Он, по-моему, славный!

– Гм! Викентий Болеславович!

– Ух ты! – восхитилась Дашка.

– Викентий Болеславович, вот тут моя дочка решила пригласить вас сегодня к нам на обед, в пять часов, как вы на это смотрите?

– Весьма польщен. И с удовольствием принимаю приглашение. Обед с двумя такими дамами для меня великая честь! Но как вас найти?

Я передала трубку Даше, и она подробно все ему объяснила.

– Дарья, что это тебе вздумалось приглашать его?

– Но ты же, кажется, не возражала? – вопросом на вопрос ответила она. – Ну что, мамуля, будем прокладывать путь?

– Какой путь?

– Через желудок! Но это уж я предоставлю тебе!

– Если ты просто не хотела готовить обед, то так бы и говорила! Неужто я для своей единственной дочки не сготови-

ла бы обед? Правильно Любка говорит – засранка ты!

– Нет, мамуля, все гораздо сложнее. Дело в том, что мне надоел твой Юрик.

– Позволь, а при чем здесь ты, тем более что Юрик в Москве, а ты в Тель-Авиве?

– Просто пора его менять! Вот признайся, я все хочу спросить, но как-то не выходит, кто тебя провожал в аэропорт?

– Васька с Алевтиной.

– А Юрий Петрович не удосужился?

– Но рейс же был ночной, как бы он вырвался?

– Мамуля, меняем! И вообще, тебе пора замуж! Правда, я хотела тут тебя замуж выдать, но, боюсь, климат уж очень не твой. А вот этот, как его, Жукентий Станиславович...

– Викентий Болеславович.

– Да, имечко еще то, впрочем, будем звать его Викешей или лучше Кентом, здорово, правда?

– Ладно, Дарья, давай-ка займемся обедом, ты меня будешь морально поддерживать, больше мне ничего не требуется.

– Нет, я буду ассистировать, потом, ближе к делу, приготавливаю фруктовый салат, это мое фирменное блюдо!

Мы отправились на кухню и взялись за дело. Продукты тут, конечно, замечательные! Вчера мы с утра пошли на базар – шук Кармель (когда-то у меня была прекрасная косметичка по фамилии Кармель!) и накупили прорву всякой всячины. Удивительное дело, я совершенно не чувствовала се-

бя за границей, уж очень этот базар напоминал тбилисский или ереванский. Вероятно, осенью это выглядит иначе, когда много экзотических плодов, а сейчас особой экзотики еще нет. Мы подошли к продавцу апельсинов, и Дашка что-то сказала ему на иврите.

– Смотри, мама! Я беру два кило!

Продавец насыпает в пакет добрых пять килограммов.

Дашка отрицательно мотает головой и на пальцах показывает – два!

– Матанá! Матанá! – радостно кричит продавец и берет деньги за два килограмма.

– Что все это значит? – спрашиваю я, сгибаясь под тяжестью сумки.

– Матана, мамуля, это подарок! Апельсины тут почти даровые, он хочет поскорее их распродать!

– А я думала, ты ему приглянулась!

– Ну, это само собой, – скромно ответила дочка.

За разговорами я и не заметила, как приготовила роскошный обед.

– Дарья, а есть у нас какие-нибудь напитки?

– Есть, конечно. И водка, и вино, и даже джин. Кроме того, можешь быть уверена, твой Жукентий принесет что-нибудь эдакое!

– А где он возьмет в субботу?

– Не знаю, но уверена – с пустыми руками он не придет.

Ровно в пять раздался звонок в дверь.

– Вот это точность! – восхитилась Дашка. – Король да и только! Иди сама открывай!

Викентий Болеславович и впрямь явился с бутылкой французского вина и двумя прелестными букетами. Один, поменьше, – Дашке, второй, побольше, – мне.

– Где вам удалось все это раздобыть в субботу? – поинтересовалась Даша.

– Кто ищет, тот всегда найдет, даже в Израиле в субботу! О, какой стол! С ума сойти! И все готово, дамы в полном порядке – какая прелесть!

– А у мамы это вопрос принципа! – пояснила Даша. – Она и меня так выдрессировала.

– И кто же всю эту красоту готовил?

– Мама. Я только десерт сделала.

– Ну что ж, давайте сразу за стол! – предложила я. – Поскольку мы еще очень мало знакомы, за столом нам будет легче общаться.

Попробовав мою баклажанную икру и салат с брынзой, Викентий застонал:

– Боже правый, Кира, я каждую минуту открываю в вас все новые и новые достоинства, куда это меня заведет? Дашенька, вы уже поняли, что я ухаживаю за вашей мамой?

– Я это еще в аэропорту просекла!

– Просекли? И ничего не имеете против?

– Наоборот!

– Дарья!

– А что тут такого, мама? Викентий Болеславович хочет удостовериться, что я не стану устраивать сцены, дуться и вести себя как последняя идиотка. Я отлично знаю, что у меня мама умная и красивая, а за умными и красивыми женщинами надо ухаживать.

– Браво, Дашенька! Вы тоже вся в маму – умная и красивая, но ухаживать за вами я уже староват!

– Пожалуй! – заявила Дашка.

Он от души расхохотался.

– Кира, дайте-ка мне еще ваших баклажанов, это что-то неземное!

Время летело незаметно. После обеда мы пили кофе на балконе. Было удивительно легко и уютно.

Зазвонил телефон, и Даша вступила в долгие пререкания по поводу какого-то компьютера. Мы остались на балконе вдвоем.

– Викентий Болеславович, а как вас сокращенно называют?

– Кто как – Кеша, Викеша, Витя, а мама звала Котей.

– Какая прелесть! Можно, я тоже буду звать вас Котей?

– Буду счастлив!

– Как приятно иметь дело с воспитанным человеком!

– Кира, вы заблуждаетесь, я могу быть ужасающим нахалом.

– Не верю!

– Ах не верите?

Он вскочил, выдернул меня за руку из кресла и крепко обнял.

– Ты еще убедишься, каким я могу быть нахалом и хулиганом!

От его поцелуя у меня голова пошла кругом. С ума сойти! Как же здорово он целуется!

– Вот это темпы! – раздался вдруг Дашин голос.

– Даша, вы сами меня спровоцировали, оставив наедине и так надолго с вашей обворожительной мамой!

– Я, значит, еще и виновата?

– Разумеется, я ведь только слабый мужчина, не устоял перед женскими чарами. Что с меня возьмешь!

Я смутилась, Дашка залилась хохотом, а Викентий как ни в чем не бывало уселся в кресло и с удовольствием закурил.

– А вы и в самом деле нахал, – заметила я.

– А что я вам говорил?

Дашка деликатно удалилась на кухню. Он было рванулся ко мне, но я строго на него посмотрела, и он покорно остался сидеть.

– Кира, мне ужасно понравилось с вами целоваться. И вы, по-моему, тоже не испытali отвращения?

– Отнюдь.

– Вы мне с каждой минутой все больше и больше нравитесь, боюсь, я уже не смогу спокойно спать. Со мной давненько ничего похожего не было.

– Послушайте, Котя, это даже неинтересно, так сразу...

– А вам хотелось бы теряться в догадках, прикидывать, насколько вы мне нравитесь, и так далее? Побойтесь Бога, Кира, у нас нет на это времени! Мне уже пятьдесят восемь, и я предпочитаю играть в открытую. Поверьте мне, такая игра ничуть не хуже других. Вы мне нравитесь до умопомрачения, меня к вам тянет как магнитом, так чего ради это скрывать? И, простите за нескромность, я вам, кажется, не противен?

– Нет.

– Вот и славно! Значит, теперь надо только дожить до понедельника.

– То есть?

– Мы же условились провести понедельник вместе!

– И какая же будет программа?

– Во-первых, я поведу вас в Яффо в музей Франка Мейслера. Это потрясающий скульптор по металлу, Шолом-Алейхем в скульптуре. Вся суть еврейского народа и бездна юмора. Чудо! Вы уже были в Яффо?

– Да, мы там гуляли с Дашей. Но я с удовольствием еще пойду.

– А потом где-нибудь пообедаем, отдохнем, ну а там дальше видно будет...

– Программу принимаю.

– Что ж, не буду вам больше надоедать, вам надо завтра рано подняться, желаю приятной поездки, и будьте готовы к

настоящему потрясению. Иерусалим никого не может оставить равнодушным. В понедельник утром я позвоню. Позвольте поцеловать вашу руку.

Я думала, что в отсутствие Дашки он поцелует меня на прощание. Но нет, он пошел проститься с Дашей. И только уже в дверях прошептал:

– Я не поцеловал вас, чтобы вы спокойно спали!

Действительно нахал!

– Мамуля, какой клевый мужик!

– Он тебе понравился?

– Еще как! Умница, с юмором и внешне интересный. А от тебя просто балдеет! Мам, он женатый?

– Вдовец.

– Вот здорово!

– Почему?

– Не притворяйся, мамуля, что не понимаешь! Я думаю, еще дня два – и он сделает тебе предложение. Только не вздумай ему отказать!

– Да ты с ума сошла! Мы едва знакомы!

– Подумаешь, велика важность! Но имей в виду – в твоём возрасте лучше тебе не найти!

– А я и не ищу! Меньше всего на свете хотела бы выйти замуж! Нет, я слишком ценю свою свободу! Я не могу без ужаса думать о том, что у меня в квартире поселится какой-то мужик, которого надо будет кормить, обстирывать... Брр! Я

терпеть не могу Ахмадулину, но одну ее строчку – «...и ощутить сиротство как блаженство» – принимаю полностью!

– Мамуля, но я же видела, что он тебе жутко нравится!

– Нравится, не спорю. Но одно дело роман и совсем другое – брак. Нет, доченька, этого ты от меня не жди.

– Ну и зря. Такие на дороге не валяются.

– Ладно, детка, давай-ка помоем посуду и ляжем спать. Завтра надо встать очень рано.

На другой день мы спозаранок заехали за Любой и помчались туда, где останавливаются экскурсионные автобусы. По дороге Люба сказала:

– Кирюшка, гляди, видишь эту белую кучу? Это снег! Сюда его регулярно привозят с гор, чтобы ребятишки имели представление, что такое снег! Здорово, правда?

– Не то слово! Ага, ты, значит, вполне способна находить и что-то хорошее в здешней жизни?

– Способна, способна, а все равно хочу домой, вот только дома там уже нету.

На путевках было написано: «Сбор группы у дерева». Когда мы подъехали к станции, выяснилось, что деревьев там более чем достаточно.

– Ничего не скажешь, хорошенькое обозначеньице, – проворчала Люба.

– Да ладно, тетя Люба, сейчас вмиг разберемся. – Даша выскочила из машины и, ничуть не стесняясь, громко крикнула: – Эй, где здесь автобус Марины Воробьевой?

Мне уже успели объяснить, что два самых крупных экскурсионных бюро принадлежат двум Маринам – Марине Фельдман и Марине Воробьевой. У каждой есть свои приверженцы, и их отношения немного смахивают на отношения поклонниц Лемешева и Козловского.

К Дашке немедленно подскочил какой-то парень, стал что-то объяснять, и видно было, что он уже готов на все. Я с гордостью наблюдала за своей красивой и вполне раскованной дочерью. Ну и отлично, такая не пропадет!

– Кирка, – словно бы угадала мои мысли Люба, – а мы ведь такими не были. Какие-то зажатые мы были, правда?

– Правда, и слава Богу, что они другие. Так куда легче жить!

– Тетки, вылезайте, нашла я ваш автобус – шикарный, мерседесовский, с кондиционером!

– Кирка, ты не обидишься, если я чуток посплю? Для меня в такую рань вставать – хуже смерти.

– Да спи себе, Любаша, сколько влезет! А я буду в окно смотреть.

Любка и в самом деле уже через минуту спала крепким сном. А я не столько любовалась видами Израиля, сколько вспоминала вчерашний вечер. Этот Котя мне определенно нравится. Подумать только, мы виделись всего два раза, а ощущение такое, будто Бог весть как давно знакомы! Это дорогого стоит. А как он целуется! При одном только воспоми-

нании в дрожь бросает! Куда это годится! Еду в Иерусалим, а мысли какие-то грешные. Это, наверное, оттого, что я воспитывалась атеисткой и довольно долго жила в Безбожном переулке.

– Циля! У тебе юбка задралась! – раздался вдруг чей-то пронзительный голос.

– А? Что? – обалдело вскинулась сонная Любка.

– Спи себе, у какой-то Цили юбка задралась.

– Нет, ты скажи, почему это здесь евреи так орут?

– Вероятно, потому, что в других местах им приходится помалкивать. Их можно понять.

– Расфилософствовалась!

– Любания, не ворчи. Спи лучше.

– Да нет, тут разве поспишь! Кирка, признайся, ты влюблена?

– С чего ты взяла?

– А то я тебя не знаю – вон глаза какие мечтательные. Ну и кто на сей раз?

– Да нет, пока еще говорить не о чем, всего-то полтора раза видались.

– И ты уехала?

– Никуда я не уехала, он тут.

– Иди ты! – восхитилась Люба. – Ну, Кирка, ты даешь! Уже здесь успела подцепить?

– В самолете.

– Ага, как в песенке, «Любите на лету!».

– Вот-вот!

– Кирка, я серьезно спрашиваю!

– А я не могу серьезно отвечать!

Между тем мы подъезжали к Иерусалиму.

Экскурсоводша, маленькая, очень бойкая женщина, поведала рассказ о городе, о кварталах, которыми мы ехали. Здесь жили немецкие евреи, успевшие уехать в самом начале тридцатых годов. Они смогли вывезти немалые средства, построили здесь добротные дома, очень похожие на немецкие виллы.

А дальше начались чудеса, и я забыла обо всем на свете. «Иерусалим – город трех религий» – так называлась наша экскурсия. Дивный, белый, экзотический город, в жарком воздухе которого так естественно звучат имена Ирода, Каиффы – вот здесь жил Ирод, а вот там Каиффа! Когда же мы попали в узкую каменную улочку, сплошь занятую лавчонками, торгующими всякой туристской дребеденью, и наша экскурсоводша Людмила сказала, что это и есть Виа Долороса, то есть Скорбный путь, меня охватило какое-то никогда доселе не испытанное волнение, нараставшее с каждой минутой. Потом был храм Гроба Господня, но об этом ничего не могу рассказать – только комок в горле и строчки Пастернака: «...все яблоки, все золотые шары» – и еще: «Я в гроб сойду и в третий день восстану...»

Когда мы добрались до Стены Плача, я уже вполне пришла в себя. Чтобы попасть к Стене, надо пройти контроль не

менее строгий, чем в аэропорту: с металлоискателем, с раскрытием сумочек. Никакой записки я, конечно, не заготовила, а потому, протолкавшись к Стене, просто прижала к ней ладонь и подумала: пусть у Дашки все будет хорошо.

Людмила предоставила группе возможность двадцать минут погулять и, так сказать, «оправиться». Оправившись, мы с Любкой отошли в сторонку покурить. Курила, впрочем, одна Любка.

– Кирка, да ты на ходу подметки режешь, что это с тобой на старости лет?

– Ты о чем?

– А ты не заметила, как тут один дядечка просто глаз с тебя не сводит?

– Где, какой?

– Сейчас я его не вижу. Он из нашей группы, довольно пожилой, но интересный.

– Пожилой! Мы и сами с тобой уже пожилые!

– Ничего подобного, мы еще хоть куда!

Приехав в Израиль, Любка пережила уже три бурных романа.

– Если хочешь знать, мы еще только вступаем в возраст элегантности, – заявила Люба.

– Ты мне напоминаешь одну мамину приятельницу. Когда мне было года тридцать два, я ей сказала, что уже вступила в бальзаковский возраст, так она на меня просто накричала, теперь, мол, все изменилось, и это она в бальзаковском воз-

расте, а ей было лет шестьдесят пять.

– Неглупая, надо сказать, тетка была. Что-то я сейчас не вижу твоего поклонника. Ну ничего, появится, покажу.

– А сейчас, господа, – сказала Людмила, – мы с вами поедем в мастерскую скульптора Н. Его вдова любезно предоставила мастерскую культурному обществу. Там нас ждет небольшой концерт камерной музыки и возможность передохнуть. Скульптор, гордость израильского искусства, погиб несколько лет назад. В субботу ортодоксально настроенные элементы натянули проволоку поперек дороги, а он ехал на мотоцикле и разбился насмерть.

– Да, страшная штука фанатики, – произнес кто-то рядом, – и еврейские фанатики ничем не лучше других.

Когда мы вылезли из автобуса, Людмила попросила нас подождать несколько минут.

– Кирка, внимание, он опять на тебя лупится.

– Где?

– Вон тот, слева, в голубой рубашке.

Действительно, мужчина лет шестидесяти пристально смотрел на меня, можно сказать, сверлил взглядом. Однако это был не столько мужской взгляд, сколько попытка то ли что-то вспомнить, то ли привлечь внимание.

Что-то в нем мне тоже показалось знакомым. Нет, я определенно его знаю. Мне не хотелось встречаться с ним глазами, прежде чем я вспомню, кто же он такой. И вдруг маленькая женщина в желтой панамке крикнула:

– Марат Ильич! Марат Ильич! Идите сюда!

Вот так номер! Марат! Марат в Иерусалиме! Чудны дела твои, Господи!

– Кирка, это что, тот Марат? – У Любки глаза на лоб полезли.

– Кажется, да.

– Что значит – кажется?

– Любашка, да я же его почти двадцать лет не видела...

Смотри, он идет сюда, что же делать...

– Кира, сколько лет, сколько зим!

– Да, порядочно.

– Я вас сразу узнал, вы почти не изменились. Странно, я последнее время очень часто вас вспоминаю.

– С чего бы это?

– Видно, время пришло подводить кое-какие итоги.

– Ну и как?

– Ничего лучшего в моей жизни не было.

– С чем вас и поздравляю.

– Кира, не надо желчи! Я и сам все понимаю. Вы здесь в гостях?

– В гостях.

– В Тель-Авиве?

– В Тель-Авиве.

– А я читал курс лекций в университете и вот остался на две недели отдохнуть у друзей. Кира, мы должны увидеться и спокойно поговорить. Мне это необходимо. Ради Бога, дайте

ваш телефон. И не надо смеяться. Я позвоню непременно, или нет, знаете что, давайте просто завтра встретимся.

– Завтра я занята.

– Тогда позвольте я все-таки запишу ваш телефон.

– Да записывайте, мне не жалко, все равно ведь зря.

– Кира, не надо, подумайте, ведь прошло двадцать лет, даже чуть больше.

– Да, я заметила.

Тут нас повели в мастерскую, выдолбленную в скале, просторную и прохладную.

– Кирка, что он хочет? – накинулась на меня Любка, деликатно отошедшая при его приближении.

– Телефон.

– Зачем?

– Понятия не имею.

– Кирюшка, ты чего как в столбняке?

– Знаешь, для меня это как-то многовато – Иерусалим с тремя религиями и Марат двадцать лет спустя. Кошмар какой-то!

– Да, не слабо!

– Вот черт, все мне испоганил! Я была в таком восторге, в таком радостном волнении, а тут он, здрасьте вам! И все насмарку! Что это за проклятие такое! И нет чтобы он мне где-нибудь на шукке встретился, нет, именно в Иерусалиме!

– Кирка, возьми себя в руки и не позволяй этому сукиному сыну портить тебе настроение. Еще не хватало! Он этого

не стоит!

– Верно, Любашка, ты права! Ты только не отходи от меня, ладно? Не дадимся ворогу! Отряхнем его прах с наших ног к чертям собачьим!

Но, сколько я ни старалась, прежнее состояние духа было бесповоротно утрачено. Во всяком случае на сегодня. Я же оптимистка.

Уже на пути в Тель-Авив Люба шепотом спросила:

– А если он все же позвонит, ты с ним встретишься?

– Сама не знаю. Может быть. Интересно все-таки.

– А про Дашку скажешь?

– Еще чего! Много чести. Перетопчется.

– А Дашке скажешь?

– И не подумаю! Что я ей скажу, сама посуди? Знаешь, доченька, я тут на экскурсии твоего папулю встретила, не желаешь ли на него поглядеть? Так, что ли? Любка, знаешь, я себя героиней сериала чувствую. Венесуэльского.

– Да уж действительно, есть во всем этом какой-то венесуэльский душок.

Мы расхохотались.

В Тель-Авиве, едва мы вылезли из автобуса, Марат решительно подошел ко мне.

– Кира, в какое время вам удобнее звонить? Вы когда встаете?

– О, я встаю очень рано, но сразу же уйду купаться. Так что лучше звонить вечером.

– Тетки! Вот вы где! – К нам подбегала Дашка. – Мама, ты что, очень устала? Да?

– Это ваша дочь? – изумленно спросил Марат.

– Да.

– Очень красивая!

Любка тем временем ловко отвела Дашу в сторонку.

– А я не знал, что у вас есть дочь.

– А что вы вообще обо мне знаете?

– Ну... так... кое-что знаю, нет, выходит, ничего не знаю.

А сколько же лет вашей дочери?

– Двадцать, – брякнула я сдуру и тут же испугалась. Вдруг он догадается? – Ну ладно, Марат Ильич, мне пора. Всего доброго!

– Кира, я завтра вечером позвоню.

Я только пожала плечами.

Дашка сразу заметила, что я не в своей тарелке.

– Мама, что-то случилось? Ты какая-то не такая... Тетя Люба, в чем дело, что с мамой?

– Думаю, она просто устала от впечатлений.

– Тетя Люба, поехали к нам ужинать, у нас от вчерашнего обеда столько всего вкусного осталось!

– Да, Любашка, поехали, – поддержала я дочку, мне боязно было оставаться наедине с нею.

– Хорошо, только ненадолго, а то Лизаня меня со свету сживет.

– Тетя Люба, не надо делать из дочки какого-то монстра. Я ей уже звонила, сказала, что ты у нас поужинаешь, и она нисколько не возражала.

– До чего ж ты предусмотрительная, Дарья! – обрадовалась Люба.

Дома Дашка распорядилась:

– Мамуля, первым делом ступай под душ, тебе сразу полегчает, я тебя знаю!

Когда я вышла из ванной и мы втроем сели за стол, она поспешила доложить:

– Да, кстати, звонил твой Жукентий!

– То есть как? – ахнула Любка. – Алька, что ли?

– Да нет, почему? – удивилась Дашка и вдруг покатилась со смеху. – Тетя Люба, ты что, решила, что это мамин кот звонил, да?

– Ну ты же говоришь – Жукентий. А Жукентий, насколько мне известно, кот?

– Ну, этот Жукентий, может, отчасти тоже кот, но вдобавок еще и архитектор.

– Кирка, что она городит? – недоумевала Люба.

Мне тоже стало смешно.

– Да нет, Любаша, это мой новый поклонник, и звать его Викентий. Так что, сама понимаешь, кличка Жукентий в данном случае неизбежна. А чего он хотел, Жукентий?

– Он хотел ехать тебя встречать, но я не пустила, подумала, что ты будешь усталая, не в форме, и мне же еще влетит.

– Ой, спасибо тебе, Дашутка, ты у меня умница, блюдешь мамочкины интересы.

– Еще бы! Сколько у меня мамочек-то? А если учесть отсутствие папочки, то мамочкина ценность возрастает вдвое!

О Господи!

Так, мило болтая, мы просидели до двенадцати. Потом Даша решила отвезти Любу на машине, и я, воспользовавшись ее отсутствием, быстренько легла в постель. Когда она через четверть часа – Люба жила совсем близко – вернулась, я сделала вид, что сплю. Мне нужно было хорошенько все обдумать.

Марат... В глубине души я всегда знала, что эта встреча когда-нибудь состоится. Первые лет пять я страстно о ней мечтала, а потом жизнь стала брать свое, работа и Дашка поглощали меня целиком. Время от времени возникали какие-то романы, не задевавшие меня глубоко, но дарившие, однако, немало приятных часов. Потом в мою жизнь вошел Юра на правах, так сказать, приходящего мужа, что вполне устраивало нас обоих. Но последние полтора года, несмотря на свой отнюдь не юный возраст, я чувствовала, что созрела для нового романа, быть может последнего... И вот встреча с Жу... тьфу, с Викентием, Котей, как хорошо... И тут зд-расьте вам – Марат. Я почти физически ощущала, как душа моя рвется на две части. Что же делать? Но потом я твердо сказала себе: успокойся, голубушка, Марат твой просто хочет отвести душеньку на свободе, он опять наговорит тебе

с три короба, а потом, горестно понутив плечи, исчезнет на просторах родины чудесной. Ты ему на фиг не нужна, просто будет опять надрыв в гостиную, и ничего больше. А Жукентий... В нем столько прелести и никаких взаимных счетов, никакого прошлого, нет, я не позволю Марату сломать мне жизнь еще раз, ни за какие коврижки! Он собирается звонить завтра вечером... Да позвонит ли еще! Но что-то говорило мне, что позвонит обязательно. А впрочем, чего заранее мучиться? Итак, решено, завтрашний день посвящаю Коте, а там видно будет! И вообще, от нас ничего не зависит, а посему положимся на судьбу! С этой благой мыслью я заснула.

Утром я сбегала на пляж, поплавала, вернулась домой на автобусе.

– Мамуля, Жукентий уже звонил! – сообщила Дашка. – С твоей стороны, мамуля, это чистейшее свинство, у меня сегодня последний свободный день, а ты намерена смыться с Жукентиєм!

– Дашутка, прости, я не подумала! Хочешь, я пошлю его к чертовой матери?

– Не вздумай! И вообще, я пошутила, в два часа возвращается Данила, так что я буду не очень одинока!

– Ой, у меня все из головы вон!

– Да, если в твоём возрасте крутить сразу с двумя мужиками.

– С двумя? Где ты второго-то обнаружила?

– На автобусной станции. Этот пожилой господин смотрел на тебя глазами, полными любви и страсти.

– Даша, ты в своем уме?

– В своем, мамуля, в своем! Да и у тебя лицо было какое-то... перевернутое. Признавайся, кого ты еще закадрировала?

– Никого я не кадрировала, просто случайно встретила одного старого знакомого, малоприятного, надо заметить. Мы с ним не виделись бог знает сколько лет...

К счастью, в этот момент зазвонил телефон. Викентий.

– Кирочка, доброе утро! Как съездили?

– Чудесно, масса впечатлений.

– Что-то большого энтузиазма в голосе не слышу, ну да ладно, поговорим при встрече. Итак, какие планы?

– Я в вашем распоряжении.

– Вы уже готовы?

– Буду готова через полтора часа.

– Мне зайти за вами, или встретимся в городе?

– Встретимся в городе.

– Хорошо, в половине двенадцатого возле синагоги на Алленби. Договорились?

– Да.

– Жду с нетерпением!

– Найдешь дорогу? – спросила Дарья.

– Обижаешь, начальник!

– Нет, я все-таки доведу, мне так спокойнее будет.

– Дашка, не выдумывай! Я каждое утро бегаю на пляж, и ты не боишься, что я заблужусь, а тут вообще десять минут ходу по той же самой Алленби, а ты вдруг забеспокоилась. Может, боишься, что я на другое свидание подамся?

– С тебя станется. Что-то мне этот таинственный незнакомец из автобуса не нравится.

– Плесни-ка мне еще кофе! – предпочла я перевести разговор.

– Мне он не нравится, – гнула свое Даша, – тем, что ты приехала сюда радостная, а теперь в тебе как будто трещина появилась... и явно после Иерусалима.

Господи, да она насквозь меня видит! Впрочем, неудивительно. Меня все насквозь видят, на моей физиономии отражаются все мои чувства и мысли. Петя, друг моей молодости, говорил: «Кирка, прикрывай лицо газетой!» Мне казалось, что с годами я научилась немного владеть собой, но, видимо, я обольщалась.

– Что ты мелешь, Дарья, какая трещина?

– Ладно, я знаю, что говорю. Поэтому предпочитаю сдать тебя Жукентию с рук на руки.

Оставалось только засмеяться и пожать плечами.

Дашка и впрямь доставила меня до места. Викентий уже ждал с букетиком цветов.

– Даша, как удачно, что вы приехали! Я купил вашей маме цветы, а потом подумал, что в данной ситуации это довольно

глупо, они через час завянут. А посему позвольте вручить эти цветы вам.

С ума сойти, до чего галантен!

Благодарно заверещав, Дашка села в машину и укатила с моим букетом.

– Ну что, Кира, идем в Яффу?

– Идем!

Он взял меня под руку, и мы неспешно, с удовольствием, пошли по улицам и улочкам. Идти с ним было необыкновенно приятно, легко, совсем не пришлось приноравливаться друг к другу. Далеко не со всяким удобно ходить под руку. Оказалось, что он прекрасно знает историю. В отличие от меня. Мне ни секунды не было с ним скучно, а что может быть важнее в отношениях с мужчиной? По крайней мере в моем возрасте. Он привел меня в Абрашин парк – дивной красоты место, откуда открывается упоительный вид на море и город. К сожалению, музей Мейслера оказался закрыт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.